

Изменить одиночеству (сборник)

Автор:

[Евгения Михайлова](#)

Изменить одиночеству (сборник)

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Дима был доволен своей жизнью и считал, что ему повезло: заботливая жена, обожаемая дочь. Но однажды он осознал, что выбрал для своей девочки неправильную мать...

После смерти супруги Яков решил, что жизнь кончена. Появление Мирославы дало ему новую надежду, но вскоре выяснилось, что у этой роскошной женщины на него свои планы...

В жизни Даши было два мужчины: один ее уничтожил, второй – воскресил, чтобы уничтожить вновь. Как удержаться на краю пропасти и выжить?

Когда жизнь кажется совсем невыносимой, нужно помнить, что самый темный час – перед рассветом. Герои остросюжетных рассказов Евгении Михайловой любят и ненавидят, страдают и радуются, теряют и находят. На примере их судеб автор показывает, что любовь победит равнодушие, и человек, который не очерствел сердцем, всегда найдет свое счастье.

Евгения Михайлова

Изменить одиночеству

Сборник рассказов

Все персонажи и события вымышленные

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Михайлова Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Темная вода

Дмитрий Китаев в свои сорок два года оставался стройным, легким, подвижным. Доверчивый и доброжелательный взгляд светло-серых глаз, интеллигентное лицо, немного виноватая улыбка. Носил блекло-голубые, застиранные джинсы и легкую ветровку. Таким был облик солидного заведующего редакцией на радио. И, конечно, никто из сослуживцев, знакомых и соседей не называл его ни Дмитрием Ивановичем, ни даже просто Дмитрием. Он был Дима, и так сам к этому привык, что невольно напрягался, когда его называли более официально.

У Димы было положение и неплохая зарплата, но он прекрасно понимал, что он не гений, не могущественный магнат, не вершитель судеб. Зато он был человеком на своем месте. Он прекрасно чувствовал чужой талант и мог помочь талантливому человеку добиться успеха.

А еще у Димы была тайна. Дима только сейчас почувствовал себя молодым и сильным. Вырвался из-под гнета властного отца с тяжелым характером. Затем освободился от вечного безденежья и уцелел от соблазнов – продавать ложь и клевету, предавать свою человеческую позицию. Вышел из сумрачного подполья неуверенности в собственных возможностях.

Диму любили друзья, он нравился женщинам, его уважали коллеги. А эта тайна – душа, рвущаяся вверх и вдаль, как будто жизнь только началась, – его главная тайна была видна всем. Что и делало Диму на редкость приятным, позитивным человеком.

Собственная легкая и светлая душа должна была бы обеспечить счастье Димы Китаева. И он был бы счастлив, если бы не одно «но». Дима знал, где оно находится, но не позволял себе об этом задумываться. Там был провал, глубина с темной водой. И для нормальной жизни, работы, просто для ровного дыхания Дима оттаскивал себя от края. И радовался, что всегда так занят и на праздные размышления не остается времени.

Дима был удачно женат, так считали все. Они с Кирой даже внешне были похожи. Оба голубоглазые, русоволосые. Кира смущенно и немного виновато улыбалась, всегда тихо и вежливо со всеми здоровалась. Их дочери Маше было десять лет. Высокая и худенькая, как отец, тихая и скромная, как мама. Но глаза у Маши были большие темно-карие. Обычно у светлоглазых родителей рождаются светлоглазые дети, Кира сначала даже была встревожена, ходила советоваться с разными врачами. Она боялась проявлений скрытых патологий. Но выяснилось, что у Киры была темноглазая бабушка. И сама Кира была носителем гена карего цвета. У Димы после этой истории остался неприятный осадок. Ребенок был совершенно здоровым, спокойным, родным, а Кира готова была увидеть в красивых глазах дочки какой-то дефект, подозрительно присматривалась и прислушивалась к ней. Успокоилась только тогда, когда получила формальное заключение: девочка имеет полное право быть кареглазой.

С Кирой Дима познакомился двенадцать лет назад, в Варшаве. Он там работал в пресс-службе российского посольства. Кира была бухгалтером. Миниатюрная, стройная, она хорошо и со вкусом одевалась, была сдержанной, немногословной, умела слушать. Дима не влюбился, просто девушка ему очень понравилась, как многие, впрочем. Им обоим было уже за тридцать. И когда Кира пригласила его

вечером к себе попить чаю, он не переоценивал значение этого события. Да, он остался у нее на ночь, но утром не был уверен, что захочет повторить. Кира была очень скованной в постели. И дело даже не в этом: эта милая женщина при близком знакомстве оказалась абсолютно лишенной женской привлекательности. Ноль соблазна и чувственности. Но через день она встретила Диму в коридоре и спросила:

– Когда мы регистрируем наши отношения?

Дима смущенно улыбнулся и ответил:

– Хоть завтра.

Он сделал лишь один вывод: Кира – женщина настолько строгая и порядочная, что для нее ночь, проведенная с мужчиной, – событие жизни. А почему нет? Он никем и ничем не связан. А найти верную, преданную жену, наверное, совсем не просто. Ему повезло.

И, действительно, его жизнь кардинально преобразилась. Теперь у него появилась образцовая семья. Дома чисто, всегда готов обед, жена всегда приходит домой раньше, чтобы встретить мужа. Кира взяла на себя не только все бытовые хлопоты, но и все финансовые дела, ведала семейным бюджетом. Дима хвастался друзьям, какое сокровище на него свалилось. Он был полностью беззаботен. Даже в те вечера, когда он возвращался после встреч с друзьями, и от него откровенно пахло пивом или вином, Кира оставалась ровной и невозмутимой. Ни слова упрека. Она подавала ужин и делала вид, что ничего не заметила.

Они вернулись в Москву, родилась Маша. Дима продал квартиру покойной мамы, добавил денег и купил скромную, но вполне удобную трешку в тихом, зеленом районе. Новые соседи приняли их доброжелательно, и вскоре все стали называть его Димой, Киру – женой Димы, Машу – дочкой Димы. Его общительности и позитивности хватало на троих. И в семейной жизни тоже.

Кира узнавала все новости только от мужа. Она была не просто не любопытна, она к любой информации относилась тревожно: словно пыталась понять, что плохого ей это может принести. А Маша ждала папу, чтобы поиграть, посмеяться, подурачиться. Она рано поняла, что папа залог ее прав – быть

веселой, шумной, нарушать привычный режим, а иногда и вовсе делать все наоборот. Кира никогда не делала дочери замечаний при муже. Такой образцовой она была женой.

Дима по-прежнему любил рассказывать знакомым, какое сокровище на него свалилось. «Никаких проблем», – говорил он. А сердце все чаще сжималось при этих словах. У него было очень правдивое сердце, оно реагировало на любую ложь.

Но таким ведь ни с кем не поделишься. Это не по-мужски.

В один из последних теплых вечеров года Дима возвращался домой. Шел пешком от метро. Он так и не стал правильным начальником. За материалами для срочных репортажей мчался сам, не отдавая никому интересное событие. А чтобы не опоздать, удобнее всего пользоваться общественным транспортом. Он легко и быстро прошел два квартала, с наслаждением ощущая теплое и неторопливое дыхание ранней осени, вошел в свой двор. И ноги вдруг отяжелели. У подъезда подошвы прилипли к сухой земле. Он курил сигарету за сигаретой, приветствовал редких соседей и уходил от любых разговоров, что было для него совсем не характерно. Дима не хотел возвращаться домой. Ему там было плохо... Просто шаг до станции «нестерпимо». Он целый день не думал о Кире, но она сидела острым шипом в его мозгу.

Это случилось накануне утром. Дима приехал на встречу, а встречу отменили. Появилось несколько свободных часов. Дима решил вернуться домой.

Он вошел в квартиру, предвкушая, что сейчас увидит дочку. С вечера ей нездоровилось, и Кира позвонила в школу, попросила свободный день. Если завтра Маше не станет лучше, они вызовут врача и возьмут справку. Эту неожиданную паузу утром рабочего дня отец с дочерью вдвоем как-то отметят. Пусть Маша лежит в постели, укрытая. Он найдет для нее отличный фильм, сбегает в магазин за ее любимым вишневым пирогом. Кира ненавидела готовить. Это тоже следствие ее отвращения к человеческой физиологии. Обеды и ужины первого года семейной жизни давно ушли в прошлое. Сейчас комплексные обеды им привозили из самого дешевого интернет-магазина готовой еды. Кира посчитала с калькулятором, насколько это дешевле, чем готовка из нормальных продуктов. Впрочем, выпечку и сладости, которые Дима приносил Маше, она с удовольствием ела. И даже не просто ела – поглощала, жадно и торопливо, как будто внутри ее сидел голодный, ненасытный зверь.

Дима старался даже не смотреть, как жена ест.

Дима открыл входную дверь, снял куртку и кроссовки, стараясь не шуметь, ведь Маша, наверное, спит. Направился к гостиной. И вздрогнул от страшных звуков. Сдавленный хрип, стон... Это голос Маши! Ей плохо, у нее удушье! – испугался Дима. Вдруг у девочки воспаление легких?

Он влетел в детскую и застыл на пороге.

Маша в ночной рубашке стояла на коленях на полу, а Кира душила дочь, схватив за горло, потом вцепилась ей за волосы, стала бить по щекам и губам. Дима был так потрясен, что даже не сразу вмешался. Голос пропал, ноги парализовало.

Потом он самого себя видел, как со стороны и в тумане. Он оттаскивает Киру от дочери, с силой ее толкает. Она едва не падает, но удерживается на ногах, уцепившись за спинку кровати. Дима хватается Машу на руки, прижимает к себе и качает, словно в младенчестве. Носит по комнате и приговаривает:

– Мой маленький Маш, папин дочь, мой любимый малыш. Маш будет сейчас спать, мой мышонок.

У них с Машей с ранних лет была такая игра, чтобы Дима не жалел, что у него родился не сын.

«Я лучше, чем сын, – сказала Маша в пять лет. – Я – папин дочь».

И Маша, не ожидавшая такого быстрого спасения, действительно заснула у него на руках. Она вся горела. Кира избивала больного ребенка!

Свои свободные два часа он провел у кровати Маши, слушал дыхание. Потом вышел в кухню, где у стола сидела скорбная Кира, она пила сердечные капли. Дима молчал. А Кира принялась жаловаться на дочь, как она своим поведением подрывает здоровье матери.

– Она убивает меня своей расхлябанностью, безответственностью и неблагодарностью! Вчера я послала ее в магазин за продуктами: молоко, кефир, хлеб, яйца и несладкое печенье для меня. Положила ей деньги в

кармашек сумки. А она пришла без продуктов, говорит, что не смогла дойти до магазина, голова закружилась. Я была уверена, что деньги остались в сумке, и не стала вынимать. А сейчас заглянула – денег нет! Она их потеряла! Неблагодарная дрянь!

– Один вопрос: за что она должна тебя благодарить?

– Как за что? Я кормлю. Я стираю. Я...

– Хватит! Если бы я знал, что моего ребенка будут убивать из-за моих же копеек, я бы никогда не лег с тобой в постель. И так... В общем, я увидел. Понял, что это не первый раз. Если не последний, если еще раз позволишь себе так обращаться с дочерью – конец всему. Как-нибудь проживем с Машей.

Вечером Кира встретила его как ни в чем не бывало. И в час супружеского долга ждала его, чтобы получить подтверждение в незыблемости их порядка. Ее порядка, вбитого и в его голову.

И ведь на поверхности ничего не изменилось. Порядок, тишина, ее молчаливое, тактичное присутствие. И электронные часы на стене в гостиной, угол которой – его кабинет. Эти часы показывают время, когда он непременно должен войти в спальню. Его никто не гонит, не заставляет. Просто их жизнь состоит из таких пунктов и порядковых номеров, которые никак нельзя отменить. Потому что нарушение их порядка – это есть разрушение всей жизни. Кроме этого порядка, Дима в ней ничего больше не видит.

Дима вспоминал прошедшую ночь. Эти проклятые часы, которые отбирают его личное время. Хлопнула дверь ванной. Кира вышла оттуда в своей дорогой, закрытой и страшной, как саван, ночной рубашке. Он выкурил свою прощальную сигарету, почистил зубы и вошел в спальню вслед за женой. Там в свете самого тусклого ночника, какой Кира сумела отыскать, – белоснежные простыни, пододеяльник. На белой наволочке – сероватое лицо Киры. У нее вечные проблемы то с желудком, то с печенью, причем никакие врачи еще ничего не нашли. Дима давно поставил жене диагноз. Это психопатический характер, загнанный глубоко внутрь, отравляет ее организм. Это подавленное раздражение, злоба, отвращение ко всему, что связано с физиологией, нетерпимость к отклонению от своих догм. И да, такая мерзость, невыносимая для интеллигентного человека, как алчность. Кира скупа и жадна в степени

маниакальности. Деньги – это венец ее потребностей и представлений о счастье.

Как же были плохи ее дела на поприще поиска мужа, если она остановила свой выбор на нем, часто думал Дима. На нем, безалабернее и щедрее которого и нет никого.

«Ты не человек! – орал когда-то отец. – Ты – карман с дыркой! Ничего ты не добьешься, помрешь в нищете».

А он добился всего, чего хотел. Даже не добивался особенно. Все, что ему нужно, его нашло. И что не нужно, тоже нашло и отомстило за свободу от тупой власти отца.

Дима лег рядом на свою подушку и потянулся к жене, чтобы обнять. И нарушил собственное правило последних лет – не смотреть ей в лицо. В идеале вообще не смотреть на нее. Закрывать глаза, как от блаженства. А тут он посмотрел.

Как он мог когда-то увидеть в этой жесткой и непроницаемой маске женскую миловидность? Дима почувствовал резь в глазах, как от песка. От его прикосновения маска перестала быть непроницаемой. В сжатых накрепко сухих и блеклых губах – отвращение и обреченность, как перед пыткой. А в глазах – будто темная вода. Поверхность болота, в котором тонут или прячутся уродливые и агрессивные эмоции.

– Что-то сердце закололо, извини. Пойду, попью воды, подышу на балконе. Пройдет. Ты спи, не жди меня.

Она не сдержала вздох облегчения, этот вздох стукнулся в его спину. Она, конечно, ничего не поняла, как всегда. Просто у нее сегодня не будет одной неприятной процедуры, значение которой – цементировать семейный порядок. И она, конечно, поверила, что у него просто заболело сердце. В ее плоские представления не могла поместиться правда: муж ее никогда не любил, просто терпел и мог бы терпеть всю жизнь. Но после сцены с истязанием Маши жена ему стала отвратительна, страшнее самого страшного сна. А Кира даже не связала его отторжение с тем, что он увидел, узнал утром.

Дима выронил из пальцев окурки и долго давил, растирал его ногой, как врага. Вошел в лифт тяжелыми ногами. У двери в квартиру остановился и оглянулся на

спасительный лифт. Еще не поздно сбежать. Ночь в пустом и тихом кабинете редакции казалась сейчас верхом блаженства. Но он вспомнил глаза Маши, карие, тревожные озера, и достал из кармана ключ.

В квартире пахло какой-то разогретой едой. Кира вышла в прихожую, придвинула к нему комнатные тапки, подняла свое лицо без выражения, кивнула в сторону кухни. Что значило: ужин готов. Что значило: все у них в порядке. Дима заглянул в детскую: Маша лежала с книжкой в постели. Горло было завязано теплым шарфом. Ее личико осветилось при виде папы, в глазах зажглись золотые блески. Дима весело ей подмигнул: мы с тобой сейчас что-то придумаем.

Весь вечер он провел с дочерью. Рассказывал обо всех своих делах и встречах. Она его понимала, ей это было интересно! И фильмы с ней легко выбирать. Им нравится одно и то же. Они смеются и грустят в одних и тех же местах. То ли Маша старше своего возраста в душе, то ли Дима остался вечным ребенком.

Когда Маша уснула, Дима, как всегда, долго сидел за своим столом, курил, смотрел на электронные часы их порядка. И в тот самый момент, когда стукнула дверь ванной и оттуда явилась Кира в рубашке-саване, Дима пошел к входной двери. Бросил Кире на ходу:

– Пройдусь немного. Очень хочется подышать. Наверное, кислородное голодание.

Он вдыхал ночной воздух жадно и глубоко. Так, чтобы запах свежести и сырости коснулся сердца и легких, оживил их, успокоил.

Как хорошо просто бродить без цели и дела. Дима чувствовал себя совершенно свободным и беззаботным. Пусть на час, на полчаса. Но он открыл для себя возможность побега. Ему хорошо думалось о разных делах. Ему удалось забыть о том, чего не хотелось помнить. И вдруг какой-то странный лисенок запутался в его ногах и посмотрел в лицо блестящими бусинками глаз. Дима нагнулся, погладил рыжий теплый мех, поднял голову и увидел Василису, жену своего сослуживца еще по посольству в Польше. Эта пара по возвращении в Москву тоже купила квартиру в этом районе.

– Привет, Вася, сто лет не встречал вас обоих. Даже не знал, что вы завели такого зверя. Это кто? Лис или собака?

– Это Гарик, корги, – серьезно сказала Василиса. – Он – собака. Ему всего годик. Я купила его после смерти Коли. Да, Дима, Коля умер, я теперь вдова. Это было так внезапно и ужасно, что я не смогла всем сообщить.

– Что случилось?

– Самолет разбился. Ты, наверное, знаешь об этой катастрофе.

Дима был в ужасе. Его хорошее отношение к большинству людей выразалось, кроме прочего, в паническом страхе перед их смертью. Дима не умел расставаться с теми, кто ему нравился. У него много знакомых, они не видятся годами, но он должен время от времени узнавать, что все они в порядке. И как он ничего не узнал о Коле?

Они не были друзьями, просто импонировали друг другу. И было у приятного, добродушного Коли такое достоинство, как прелестная жена со сказочным именем Василиса. Над нею не подшучивал только ленивый, называя мужским именем Вася. Но это имя странно шло полноватой, очень женственной блондинке с нежным, круглым лицом и большими синими глазами. Глазами, как волшебные озера.

Дима проводил Васю с Гариком до их дома. Они постояли у подъезда, поговорили о Коле, вспомнили, как интересно и дружно все жили в Варшаве. И Дима ответил согласием на приглашение выпить чаю с тортом.

Дима никогда не был в такой уютной квартире. Вроде бы обычная мебель, только необходимые вещи. Простая посуда, чай в пакетиках, такой же, как на ходу покупает он, чтобы не возиться с заваркой. Трюфельный торт, который так любит Маша.

– Съешь его, пожалуйста, весь, – улыбнулась Василиса. – Не могу не покупать сладкое. Только оно и вытаскивает меня из депрессии. Но вес... Каждое утро – битва с джинсами за то, чтобы сошлись на мне.

– Ты очень хорошо выглядишь, – сказал Дима.

А хотел сказать: «Ты такая же милая и прелестная, как раньше». Но сейчас ночь, они наедине, у нее горе. Слишком восторженные комплименты неуместны и неприличны.

Василиса легко заговорила. Она делилась с Димой самыми дорогими воспоминаниями, говорила о своем одиночестве и тоске. Дима понимал, почему так уютно в этой квартире. Ее обживали любящие, добрые люди, похожие во вкусах и потребностях. Эта квартира не могла остыть после смерти мужа. Преданная жена поддерживает в ней огонь.

Дима выскочил в круглосуточный магазинчик неподалеку, вернулся с бутылкой вина. Они помянули Колю. Василиса расплакалась у Димы на груди. Его жалость разрасталась, колотилась в сердце. Он гладил пышные золотые волосы, целовал заплаканное лицо, чище и добрее которого никогда не видел.

Очнулись они оба, когда отхлынула волна нестерпимого притяжения. Когда вздохнули в унисон их горячие влажные тела.

– Господи, так вот как это бывает! – искренне сказал Дима. – Ты не поверишь, Васюта, но я, муж со стажем, ничего об этом не знал. Я так не уверен ни в чем, что не разрешаю себе ничего загадывать наперед. И потому скажу сейчас быстро и прямо. Я люблю тебя, Василиса. Ты кажешься мне единственной и лучшей женщиной моей жизни. Я сделаю все, чтобы к тебе вернуться. Если ты этого захочешь.

– Я захочу, – просто ответила Василиса.

Так Дима поверил в свое везение. В самый черный час его жизни, в такой беспросветный, что об этом никому и не расскажешь, именно в этот час судьба зажгла для него золотую звезду. Встреча с Василисой открывала для него мир чудес, секреты невероятных деталей, каждая из которых стоит многих лет жизни. И они оба, два скромных, нежных, очень похожих человека, расходовали свое тихое счастье несмело и экономно. Встречались редко, тайком, чтобы никто не видел. Никогда не говорили о будущем и о семье Димы.

Метров тридцать между их домами, но Дима после работы неизменно возвращался домой. И даже, если перед сном выходил на улицу подышать, то чаще всего просто ходил вокруг дома Василисы. И было ему так хорошо представлять, как она в халате и тапочках хлопчет на кухне, разговаривает своим милым голосом с корги Гариком, читает книгу. У Димы было чувство, будто он должен постоянно доказывать судьбе, что достоин такого подарка, такой тайны. Что он заслуживает такого богатства. Он приходил к Василисе после особенно тяжелой недели, после трудной и удачной работы, после моря тоски...

Разумеется, им только казалось, что их встречи остались тайной для соседей. Но Диму любили, ситуация с Кирой и Машей становилась для многих все очевидней и неприятней. И Кира была не из тех женщин, с которой другим хотелось бы пообщаться. Даже ради удовольствия «раскрыть жене глаза». А Василиса, которая никогда особенно не наряжалась, не красилась, не кокетничала с мужиками и не раздражала хвастовством, не вызывала у других женщин зависти. Это значит, что сплетен у дворовых бабушек практически не было. Только деликатная информация на ухо.

Так продолжалось три года. В этом переплетении четырех судеб не изменились внешне только Дима и Василиса. Светлые глаза у обоих стали еще мягче и добрее. Кира подурнела: лицо и некогда аккуратная фигура стали абсолютно бесполовыми. Не каждый выдерживал ее колючий взгляд. А жесткий рот и агрессивно выдвинутый вперед подбородок делали ее особенно отталкивающей. Голос у Киры теперь был громкий, резкий, она не говорила, а заявляла, поучала. И она была совершенно одна. Ни подруг, ни просто знакомых для обычной соседской болтовни. Маша очень вытянулась. На худом бледном лице трагически темнели глаза. Она редко улыбалась даже отцу. И Дима, глядя на Машу, обреченно думал о том, что это его главная миссия: нести вахту при драме дочери, которой он не смог обеспечить нормальную жизнь. Для этого нужно было так много: выбрать ей нормальную мать. Он страховал, как мог, свою девочку на границе безумия ее матери. И все равно чувствовал себя предателем. Ведь у него, в отличие от Маши, было тайное убежище. У него был близкий человек. И к нему, наконец, пришла любовь. Та, которая навсегда и не зависит от расстояния.

Дима ценил и боготворил свою Василису. Его отношение стало для нее самой большой болью. Ей разрывала сердце мысль о великой несправедливости. Нельзя людям, связанным таким чувством, расставаться. Видеться тайком и

урывками. Это убийство их предназначения. Но Василиса все знала о Маше и Кире. Она тоже не видела другого выхода. А Дима пытался скрывать от нее свое тревожное ожидание. Он постоянно был готов к новым страшным открытиям и ударам. Деградация Киры была слишком очевидной. И такой же неизбежной казалась Диме собственная казнь за слишком яркое счастье.

Нельзя таким невинным и простым людям, как Дима, судить о собственной вине перед остальными. Потому что они по открытости и беспомощности непременно свою казнь притянут. Беда случилась. Ничего Дима не уберег на границе Машиной драмы. Зря лишил себя теплых дней и ночей. Три года великой любви вытекли сквозь пальцы, как мгновение, не смягчив зловещий рок.

В тот день Дима не мог ни на чем сосредоточиться на работе, неважно себя чувствовал. Он все чаще и болезненнее ощущал свое сердце. И приехал раньше домой. И не удивился, когда группа возбужденных соседей у подъезда повернулась к нему. Они явно его и ждали. Что произошло в семье Димы, люди поняли из обрывочных фраз Киры и полицейских. Кира вызвала полицию и заявила, что Маша ее избила, возможно, хотела убить. По ее звонку прибежала и классная руководительница Маши. Когда полицейские, опросив мать и дочь, учительницу и соседей, уехали, Кира с учительницей вывели Машу и увезли куда-то в такси. Участковый сказал, что повезли к психиатру.

Через час, когда Дима уже места себе не находил в пустой квартире, жена и дочь вернулись. Маша молчала и смотрела мимо отца, она не плакала, но была смертельно бледной и совершенно ко всему равнодушной. Кира, напротив, была оживлена и активна. Она горела желанием поделиться своей версией событий. Дима прервал ее рассказ сразу. Проводил Машу в ванную, подождал, пока она умоется, предложил поесть. Девочка отказалась. Затем Дима уложил ее спать, сел у кровати, тихо приговаривая что-то ласковое и глупое, чтобы она уснула. Маша прямо и неподвижно смотрела в потолок. Затем шепнула:

– Это все неправда, папа.

– Я знаю, детка. Все будет хорошо. Я с тобой.

Когда Маша уснула, Дима вошел в спальню к Кире, закрыл за собой дверь.

– Рассказывай.

И Кира рассказала, как она сделала Маше замечание из-за очередной провинности, а та вдруг на нее набросилась, сбила с ног, начала душить. Кира показала царапину на руке – от ладони до локтя. Она вызвала полицию, все рассказала, настояла, чтобы Машу поставили на учет в детскую комнату. Затем свозила дочь на прием к районному психиатру. Маша никому не сказала ни слова, что говорит о ее неадекватности. Кира была полна решимости поставить девочку на психиатрический учет, возможно, отправить на лечение в стационар.

Дима слушал спокойно. Жена и не догадывалась, что его сердце сейчас может выбить ребра и полететь горящим снарядом в ее голову. В том, что она говорила, не было и капли правды. Он очень хорошо представлял себе, что произошло. Но все проверил: задал ей несколько уточняющих вопросов. Кира отвечала так же прямолинейно и нагло, как говорила с полицией. Но Дима – не мент. Он хороший и опытный журналист. И вышел к ней с разговором, имея улики про запас.

– Говоришь, набросилась в ответ на мирное замечание? Уронила тебя и душила? А почему царапина только на руке? На той руке, которой ты ее избивала. Маша никому не показала свои синяки. Такие хорошие профессионалы – твои полицейские, врачи, да и учительница: они именно ее не осмотрели. А на скуле у нее синяк, и на шее именно у нее пятна от твоих пальцев. У нее просто появились силы, чтобы тебя оттолкнуть, вот ты упала и поцарапала руку. Я даже знаю, обо что ты ее оцарапала: стеллаж в комнате Маши немного сдвинут. Кира, или ты сама даешь всем отбой, предварительно озвучив правду, или это делаю я. Но во втором случае я пойду дальше. Подниму всех своих знакомых юристов и врачей. В стационар лечиться поедешь ты. Ты – больная, сумасшедшая садистка. И тебя должны по суду лишить материнских прав. Я больше не могу оставлять свою дочь наедине с потенциальной убийцей.

Кира долго и тупо молчала. Она ждала, что неожиданно сильная реакция Димы, как обычно, быстро сойдет на нет. Ушла на кухню, повозилась там с обедом. Когда Дима отказался есть, поела сама с отличным аппетитом. Затем легла отдыхать. Она изменилась в лице и повадках, лишь когда Дима вошел в спальню в сопровождении пяти мужчин. Это журналисты, юрист и психиатр. Люди известные, с авторитетом, именами.

Беседа была четкой, информативной, Дима все записывал на диктофон. Когда все точки над «и» были расставлены, он произнес:

– Я обещал ей, что не стану нападать сам, если она даст отбой и во всем признается. Но я передумал. Я на самом деле хочу освидетельствования, суда, лишения материнских прав. И если врачи скажут, что Кира не сумасшедшая, пусть отвечает за истязание ребенка, как преступница. Впрочем, я забыл, что в России это не преступление. Но что-то же я могу потребовать как отец. И я хочу, чтобы она на дух никогда больше не приближалась к Маше.

Кира возмущалась, жаловалась, что у нее был нервный срыв. Изображала рыдания без слез: плакать она не умела. Каялась. Когда привели Машу, она даже пыталась на колени плюхнуться. Маша брезгливо отвернулась и сказала отцу:

– Не надо, папа, с ней связываться. Не нужно никаких судов. Я не хочу, чтобы мы тратили на это жизнь. Я взрослая. Помоги мне уехать в другую страну. Здесь она мне все испортила. Я хочу закончить нормальную школу, стать нормальным свободным человеком. А ты ко мне приедешь.

Это было самой трудной, правильной и главной работой Димы – он все сделал, как хотела Маша. Все друзья объединились для помощи ему. Когда Маша уехала учиться в колледж в Париже, Дима отнес заявление в суд о разводе.

И наступила его счастливая пятница. После работы он поехал к Василисе. Он не был у нее два месяца, пока занимался делами дочери. Он мечтал, как они вместе отдохнут, отогреются у костра своей любви. И с понедельника начнут совсем другую, удивительную жизнь.

Она прильнула к нему в прихожей, выдохнув свои тоску и страхи. Сказала, что у него высокая температура, наверное грипп. Два дня поила его чаем с малиной, кормила с ложечки куриным бульоном. Диму мучил озноб. Но он отсчитывал каждую минуту своего неслыханного блаженства.

Так они прожили два дня. В понедельник Дима собрался на работу, подошел к входной двери и вдруг беспомощно произнес:

– Не могу отсюда уйти. Такое ощущение, что все убийцы мира ждут меня на улице, чтобы выстрелить в сердце. Так оно ноет. Для него слишком много любви.

Василиса помогла ему вернуться в комнату, сесть в кресло. Вышла за сердечными каплями и водой. Когда она вернулась с лекарством, Димы уже не было. Он улетел в облаке своей непереносимой любви подальше от земли с ее темной водой.

Антипов

За двадцать лет многое изменилось в жизни Антипова. Неизменной осталась лишь одна привычка. Или потребность. Он выходит из дома и смотрит по сторонам в любое время суток. Он ищет взглядом Лену. Каждый день, много раз на дню. Если увидит ее, надвинет бейсболку на лоб поглубже и пойдет в другую сторону или мимо с безразличным, холодным выражением лица. В последний месяц он с ней не здоровается.

Он идет или один, или с собакой – агрессивным ротвейлером Ральфом, бейсболка в любое время года скрывает раннюю лысину. Он держит голову по обыкновению заносчиво. Взгляд – в никуда, подбородок – вверх. Походка, отработанная десятилетиями, с подростковых времен, должна демонстрировать суть альфа-самца. Плечи чуть назад, сильные бедра картинно вперед, ноги в обтягивающих джинсах ступают легко и небрежно. Расступитесь, бабы, ваша беда идет. Плейбой, прожигатель жизни, смертельный номер для серой публики. И вроде бы не было осечек, по крайней мере с первым впечатлением. А тут такой облом. Злая и нахальная дамочка с рыжим хромым волком вдруг звонко произнесла после того, как Ральф их обрычал:

– Убери ты своего урода. И вообще, смотреть нужно за агрессивной собакой, а не выгуливать торжественно свои дряхлеющие яйца.

Антипов впервые в жизни утратил защитную реакцию и не огрызнулся, не отшутился. Он поймал сочувственный взгляд своего Ральфа, и они быстро пошли домой, как будто оба потерпели поражение в драке.

Как назло, дамочка была очень даже ничего, она недавно появилась в районе, и Антипов все собирался познакомиться поближе. Но после этой встречи он понял, что возненавидел ее на всю жизнь. Он очень злопамятный. А то, что произошло с ним сейчас, изменило в момент отношение к себе. Он даже по квартире не смог

пройти обычной небрежной походкой. Да, яйца мешали. Да, наверное, дряхлеющие. Антипов двадцать лет скучно женат. Скоро станет дедушкой. Что может быть убийственнее для альфа-самца, чем добропорядочная семейная жизнь?

Он вдруг подумал о том, что его всегда называли только по фамилии, даже в школе, даже в постели. В этом было какое-то всеобщее уважение, признание силы. И только Лена и жена Тамара называли его по имени – Андрей. Но как по-разному у двух женщин звучало это имя. «Андрей», – выдыхала потрясенная и трепещущая Лена, и он таял от ее семнадцатилетней сладости, купался в глубокой синеве ее глаз. «Андрей», – произносила Тамара, и Антипов чувствовал себя то мальчишкой, которому сейчас дадут очередное распоряжение, то провинившимся мужем-подкаблучником, которому нужно безропотно выслушать суровую мораль.

Как сложилась бы жизнь Антипова, если бы он двадцать лет назад не влюбился в девочку из соседнего дома? Он ведь для всех в той истории главный виновник.

Он тогда только начал работать, успешно закончив юридический факультет. И ему прочили блистательную карьеру адвоката: говорили, что дар публициста, психолога и драматурга сочетался в его выступлениях с актерским мастерством. Он выиграл два серьезных дела. К нему выстроилась очередь клиентов. И он был уже женат на Тамаре. Тамара тоже закончила юридический, сейчас у нее абстрактно-лицемерное занятие – «общественный деятель». Она вписывается в политически важные акции не без пользы для семейного бюджета. Стала амбициозной, категоричной и уверенной в собственной непогрешимости. А двадцать лет назад она была искренней и влюбленной женщиной, которая встретила свой идеал мужчины.

Их дочка Катя была смешным и прелестным ребенком, а стала некрасивой и не очень умной девушкой, которая выскочила замуж за первого встречного. Не надеялась, что позовет кто-то еще. Зять Антипова – Слава, худой и неприветливый тип с вечным насморком, – не любил Катю. Он вообще никого не любил, кроме себя. И женился на дочери неплохого адвоката, чтобы избавиться от труда зарабатывать. Слава говорил о своих мечтах – заниматься только «творчеством», а вынужден был бегать по мелким заданиям газет и журналов после журфака. А это творчество... Антипов как-то заглянул на его страничку «Прозы. ру». Тут-то и пропали его последние иллюзии по поводу зятя. Пальцы надо отрубать таким графоманам, чтобы не засоряли мир розовыми слюнями

романтических бредней, фальшивых и косноязычных до ужаса. По жизни Слава был меркантильным и изворотливым сукиным сыном, в нем не было нежности и жалости ни для Кати, ни для их будущего ребенка.

Антипов не стал выдающимся адвокатом, его семья не получила того комфорта и уровня возможностей, при котором у людей практически не бывает недостатков, скрытых за общим блеском. Не сложилось, потому что двадцать лет назад Антипов влюбился в Лену. Потому что его преступление: связь с несовершеннолетней, измена жене, несмываемое пятно на репутации, козырь для врагов, – только оно и было величайшим счастьем его жизни. Все можно искупить, исправить, из всего реально выбраться и оказаться победителем, но только при одном условии. Если прошлое оставить в прошлом. Если запретить ему тревожить выношенное, продуманное, укрепленное настоящее. Запретить ему влиять на душу, цепляться за взгляд. А этого не случилось. Лена в свои тридцать семь лет осталась той же синеглазой русалкой-мечтой, перед сиянием которой не устоял когда-то Антипов, сильный, мужественный, на самом деле очень трезвый, сдержанный и даже расчетливый во всех эмоциональных и физических проявлениях. Он пал, чтобы никогда не подняться. Сейчас об этом, наверное, не догадывается даже Лена. То есть она точно уверена, что все давно прошло. Она разговаривала с ним в последние годы, как со стариком-соседом. А ее муж – долговязый и, к сожалению, очень красивый мужик, при встрече пожимал ему руку и говорил о вчерашнем футболе. Петр, муж Лены, был ровесником Антипова. Наверное, ей нравятся мужчины, которые ей в отцы годятся.

В тот вечер Антипов, как всегда, закрылся в крошечном кабинете своей большой, шумной и бестолковой квартиры. Раскрыл настольные книги по юриспруденции и отправился в путешествие по закладкам браузера, заткнув уши наушниками с любимыми мелодиями. Только так он создавал свой мир или его видимость. По вечерам ему и звонили редко. Клиенты звонили днем, а друзья после скандала с Леной отшатнулись от него. Антипов никаких отношений не восстанавливал, новых друзей не заводил. Перестал нуждаться в общении. Он так увлекся, что не услышал голоса жены, ей пришлось стучать кулаком в запертую дверь. Тамара ненавидела его привычку закрываться изнутри.

Антипов вытащил наушники и открыл дверь с недовольным видом.

– Андрей, к тебе пришли. У них несчастье, – бросила Тамара и повернулась к нему спиной.

Он вышел в прихожую и увидел там Лену с мужем. У нее были красные заплаканные глаза, Петр не сразу смог заговорить. Губы у него побелели и дрожали.

– Извини, Андрей. Мы к тебе. Больше некуда обратиться за помощью. Беда у нас.

Антипов провел их к себе в кабинет, сунул Лене стакан с водой, подождал, пока они смогут внятно изложить, что случилось. А случилось следующее. Их сын Алеша на вечеринке, при свидетелях, убил свою подругу. Зарезал. Его арестовали. И теперь нужен адвокат.

– Какова причина убийства? – спросил Антипов. – Ревность? Обида? Или это был несчастный случай? Может, просто хотел испугать?

– Да, все это, – торопливо заговорила Лена. – Но Алеша сам не сможет объяснить, они его уже сбили. Ты возьмешься, Андрей?

– Мне нужно посмотреть дело и поговорить с Алексеем.

– Но если тебе что-то не понравится, ты же не откажешься, Андрей? – требовательно уточнила Лена.

– Я соглашусь в любом случае, кроме одного. Он не должен врать своему адвокату.

– Я скажу ему, – обрадовалась Лена.

– С завтрашнего дня займусь сбором информации. Будем на связи.

– Только скажи: какая у нас может быть надежда?

– Смягчающие обстоятельства. Состояние аффекта, неосторожное обращение с оружием, провокационное поведение жертвы... Все это теория. Пока говорить не о чем.

Антипов проводил неожиданных клиентов. Застыл в глубоком раздумье прямо у порога.

– И ты полезешь в этот кошмар? – раздался рядом недовольный голос жены. – Ты же понимаешь, что тебе тут все и припомнят. Это вообще пристрастность. Новый скандал, те же действующие лица. Хорошего сына вырастила эта «Лолита».

– Я отдаю себе во всем отчет, – ответил Антипов. – Просто, кроме прошлого, у меня есть профессия. Адвокатов не приглашают разделить радости. Их зовут, когда требуется поддержка в беде. Это работа. Давай в порядке исключения – без твоих нравоучений.

Хорошо родиться и прожить всю жизнь в старом районе Москвы. Дело Алексея Селезнева вел следователь районного ОВД Николай Кузнецов, бывший одноклассник, а затем и однокурсник Антипова. Он охотно согласился с ним пообщаться, даже выразил надежду на то, что Антипов и ему самому поможет разобраться в этой истории. Вроде парень далек от криминала, не имеет вредных привычек, все его хвалят. В кабинете Коли Кузнецова Антипова ждал очень неприятный сюрприз.

– Познакомься, старик, это наш новый эксперт, – сказал Коля. – Ирина Михайловна Новицкая.

Антипов взглянул и потерял дар речи. С нежного, миловидного лица на него смотрели насмешливые глаза хозяйки рыжего хромого волка. Этой хамки, которая сказала ему, что он выгуливает свои дряхлеющие яйца.

– Очень приятно, коллега, – протянула Ирина ему руку.

Пообщались они плодотворно, со взаимной пользой. Вышли с Ириной вместе. И только на улице она у него спросила:

– Вы на меня тогда обиделись?

– Нет, – сердито сказал Антипов. – У меня правило: не обижаться на женщин-собачниц. А у вас вообще уникальный статус – вы волчатница, получается. Как угораздило?

- Длинная история. Обязательно расскажу. А вы как в этом деле?

- По просьбе родителей обвиняемого. Я еще не на договоре. И скажу вам прямо сейчас, чтобы не возникало недоразумений в процессе работы. Двадцать лет назад меня обвиняли в растлении несовершеннолетней девушки. Этой девушкой была мать Алексея Селезнева. Тогда все обошлось миром. Девушке в процессе разбирательств исполнилось восемнадцать, она благополучно вышла замуж за другого, родила сына. Мы все теперь хорошие соседи.

- Идиллия, - задумчиво протянула Ирина. - Парня хорошо знаете?

- Совсем не знаю. Здравуемся издалека.

- Непростой паренек. Если решите взять это дело, буду рада помочь. Мои телефоны у Коли. Мне приятно с вами познакомиться, Андрей. Сейчас вспомнила вас по процессам. Я чувствую настоящих профессионалов. А когда я ругаюсь с владельцами агрессивных собак, то говорю не то, что думаю.

- До встречи, - улыбнулся Антипов.

Он сразу вспомнил слова Ирины, взглянув на Алексея Селезнева. Непростой паренек - это не то слово. Парень не казался ни удрученным, ни испуганным. Он был напряжен и собран. Охотно отвечал на вопросы, топил тему в посторонних деталях. Говорил с Антиповым как со своим подчиненным, навязывая собственную версию. Да, было, как и сказала Лена, «все вместе». И провокация девушки Жанны, и случайно подвернувшийся под руку нож, которым он хотел просто «напугать». И несчастный случай: девушка такая истеричка - увидев нож, бросилась на Алешу и сама напоролась.

Во всем этом не было ни слова правды. Убийство произошло в комнате, где танцевали. Нож для разделки мяса Алексей взял на кухне. И жертва не бросалась на него. Наоборот, увидев оружие, девушка пыталась убежать. Алексей догнал ее и с такой силой ударил под лопатку, что попал в сердце.

- У тебя, конечно, могут быть собственные впечатления по поводу несчастья. Допускаю, что ты не лжешь, а просто так запомнил. Но на деле было вот так. Именно с этим материалом работают следователь и эксперт. Поэтому мы не

будем сейчас с тобой путаться в деталях, которые, скорее всего, возникли в твоём воспалённом воображении. И ещё, Алексей, я только знакомлюсь с делом, я не твой адвокат. И ни в каком случае ты не будешь мною руководить. Только наоборот. Постарайся понять, что это в твоих интересах. И ещё один вопрос: теперь, когда твои «смягчающие обстоятельства» отпали при знакомстве с делом, что тебя может оправдать, как ты думаешь? Что ты самому себе говоришь, объясняя свой поступок?

– Вы спрашиваете, что может срок скостить? – деловито уточнил Алексей. – Так она татарка без регистрации. Если бы тогда полицию не вызвали, её бы и не стал никто искать.

– Вот это уже внятная позиция. Прощаемся. Сообщу о своём решении твоим родителям.

После свидания с Алексеем Антипов зашёл к Коле Кузнецову. Тот сказал, что его хотела бы видеть эксперт Новицкая. Антипов взял телефон, позвонил из машины.

– Нужно увидеться, – сказала Ирина. – Есть кое-что, нечто важное. Не хотелось бы по телефону. Как вам потенциальный клиент?

– Мерзавец, – сухо ответил Антипов. – И убийца, скорее всего, хладнокровный.

– Не горячитесь. Мать просит проверить его на предмет психического заболевания. Вроде бы страдает с детства приступами немотивированного бешенства. Это находит подтверждение. Но я немного о другом хочу поговорить. Это вопрос вашего участия.

– Когда вы с волком выйдете вечером гулять? Я приду без Ральфа.

– Давайте часов в девять, встретимся у дома номер шесть.

У подъезда Антипова ждала Лена.

– Андрей, ну что? Ты видел Лешу? Как он?

– Чувствует себя нормально. По делу безбожно врет. Но это слишком сложная тема. Лена, можно я тебе задам вопрос, который задавал ему? За какое обстоятельство в этом преступлении можно уцепиться, так, чтобы экспертиза не опрокинула? Есть такое?

– Не поняла.

– Ну, что поможет понять Алексея? В чем провокация жертвы? Скажем, жертва была профессиональной проституткой, на глазах твоего сына отдавалась за деньги... Что-то такое, что взрывает мозг. Или она его унижала по какому-то признаку? Что, как ты думаешь?

– А, вот ты о чем. Нет, не унижала и не была проституткой. Она вообще девочкой была, когда Леша ее первый раз к нам ночевать привел. Я сама простыню стирала. Но она – татарка. Без регистрации, работала дворничихой. У нее и нет никого.

Антипов взял Лену за локоть, подвел ближе к свету фонаря. Какие у них похожие глаза, у Лены и сына. Красивые, синие, кажутся безмятежными даже при сильном возбуждении. И в их глубине блестит сплошное ледяное дно. Как он был влюблен в эту красоту и безмятежность двадцать лет назад! Как отдыхал, нежась в прохладе всегда спокойного взгляда. Все годы разлуки по соседству Антипов помнил то ощущение полной защищенности от нервной суеты всех остальных людей, их больных страстей, вечных претензий и обид. Считал, что лишь ему повезло свое главное мужское желание отдать существу столь нежному, спокойному и невинному, как сама природа.

Он отпустил Лену, молча кивнул и пошел к дому. Закрылся в кабинете, обошелся без книг, наушников и компьютера. Антипов был оглушен своим открытием. Он так летел тогда на свет единственной любви, что был не в состоянии проанализировать очевидное. Он не сделал ни одного четкого вывода, достойного мыслящего существа. Не бывает любви без волнений, не может быть страсть без потрясенной души. То, что он принял за спокойный рай бесконечной нежности, было на самом деле царством бездумия и бездушия. Прагматизм на грани слабоумия. Не повезло Антипову даже с этим. Он увидел развитие своей прекрасной Лолиты. Она созрела и утвердилась в качестве жестокого примитива, ее сын стал достойным продолжением.

Антипов так берег поэзию собственной души двадцать лет, что не искал объяснений ни тому, как появилось то заявление мамы Лены, в котором она требовала или посадить совратителя дочери, или взыскать с него сумму, на которую она тут же и купила дачу. Как юная девушка после такого стресса с оглаской и медосмотрами смогла спокойно выйти замуж за другого взрослого и обеспеченного мужчину и устраивать с ним такой же спокойный и нежный рай? В этом раю она и вырастила сына, который зарезал влюбленную в него девушку в надежде, что ее никто не будет искать. Она же татарка без регистрации. Антипов посмотрел на свою руку, которая только что держала Лену за локоть, и содрогнулся. Какой он адвокат? Он – убийца собственной жизни.

В девять вечера Антипов надвинул свою бейсболку низко на глаза и пошел навстречу женской фигуре с хромым волком на поводке. У него было полное ощущение полета в глубокое ущелье. Он чувствовал дно всем телом: кожей и костями. Он ошибался. То было еще не дно.

– Я запросила все медицинские документы семьи Селезневых, чтобы принять решение о необходимости психиатрической экспертизы, – сразу приступила к делу Ирина. – Кстати, мать Елены регулярно получает помощь в стационаре от хронической депрессии. У Алексея были проблемы не только в школе, но и в детском саду из-за вспышек ярости. Видимо, потому к армии он оказался непригоден.

– Да, это выход, – безразлично произнес Антипов.

– Но мой разговор не об этом, Андрей. Я о том, что тебе нельзя брать это дело. Мои выводы останутся в материалах дела, и рано или поздно все это всплывет с большими неприятностями для тебя. Я проводила исследование крови, по анализу образцов сына и родителей – Петр Селезнев не может быть отцом Алексея. Точный вывод может дать только экспертиза ДНК, но наш бюджет такую сумму не потянет, тем более что к сути преступления отношения не имеет. Ты понимаешь, я это исследовала по собственной инициативе и не для дела. Проверяла ту информацию, которая мелькнула в разговоре с матерью. Потом сопоставила даты родов, свадьбы, сроки и прочее.

– Что говорит Петр?

– Что не знал и даже не думал о таком варианте. Обычная история для бесконфликтных семей. Хотя по материалам беременности и родов ребенок родился недоношенным и в то же время аномально крупным. Но из таких вещей не делают проблем в текучке роддомов. Отец очень крупный – вот и все объяснение. Петр, кстати, не выразил большого удивления и расстройства. Заметил лишь, что хотел бы все выяснить наверняка, спросит у жены. И если это так, разведется с ней.

– Какой удобный повод соскочить. Эти люди отлично подходят друг другу. Все трое. Жили бы – не тужили, если бы не подвернулся нож для разделки мяса. Ира, ты ждешь моей реакции. Прежде всего, я тебе очень благодарен. Да, конечно, это повод требовать моего отстранения от дела, а еще это лучший повод поднять тот компромат и свалить меня окончательно, вытеснить из профессии.

– То есть ты не сомневаешься, что отцом ребенка не может быть кто-то третий?

– Не сомневаюсь. Там не было паузы для третьего. Лена не была испорченной девушкой.

– Если честно, я не могу поверить. Неужели ты не предохранялся? Извини.

– Я предохранялся. И не только в физическом смысле. Я боролся с собой во всех отношениях. Но такая влюбленная, такая прекрасная девочка... Она говорила, что не может жить без меня. Везде ловила, поджидала. И еще она рассуждала как взрослая женщина: все знала о «безопасных» днях. Видимо, тогда это и случилось. И так все удачно совпало. Ее маме с депрессией посоветовали переехать на природу, купить дачу. В Лену влюбился Петр...

– Они тебя подловили.

– Не исключено. Но это уже не имеет значения. Я откажусь от дела и оплачу ДНК-экспертизу. Нужно ставить точки над «и».

Они ходили какое-то время по темным, холодным улицам и молчали. Ему страшно было остановиться и остаться одному. Она не могла его одного оставить со всем этим. Наконец, Ирина придержала его за рукав, посмотрела в застывшее, как будто схваченное льдом лицо и произнесла:

– Хочу напомнить: знать – лучше, чем не знать. Всегда.

– Да, – кивнул Антипов. – Это утешает. И еще ты не поздравила меня с событием. Я сегодня стал отцом.

– Молодец. Цепляйся за чувство юмора, Андрей. Все остальное сейчас помчится само собой. Можно еще совет?

– Конечно.

– Ты уцелеешь, если сразу поставишь всю семейку за границы своей жизни. Всю семейку, ты понял? Не занимай место татарки без регистрации. И прости за грубость.

– Нормально. У меня никогда не было такого друга, как ты. Спасибо хрому волку. Я справлюсь.

Антипов думал в таком напряженном режиме, как будто выпустил собственный мозг из двадцатилетнего плена. И он, конечно, не позволил, чтобы все понеслось само собой, без его участия. Он нашел для Алексея хорошего адвоката и оплатил его услуги. Получил результаты экспертизы ДНК по поводу своего отцовства. И когда показал это жене Тамаре, был полностью готов к ее решению. Она, конечно, подала на развод и потребовала квартиру полностью, как и большую часть общих сбережений. К этому времени у Антипова уже была маленькая однушка в том же любимом старом районе, которую он привел почти в идеальный порядок. Туда они с Ральфом и переехали.

Петр Селезнев тоже развелся с Леной. И очень быстро женился на ее подруге. Алексея по решению суда отправили на принудительное психиатрическое лечение. К Лене вернулись спокойствие и ровно-приветливый нрав. Встречая на улице Антипова, она, как когда-то, смотрела в его глаза долгим синим взглядом. Выглядела она отлично. Только Антипову сейчас от этой синевы взгляда хотелось бежать как можно быстрее и дальше. Впереди собственного визга.

В тот вечер Антипов приехал к себе домой поздно. В очередной раз с наслаждением вдохнул воздух своей защищенной тишины и подумал: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Он работал, он отдыхал, он думал без страха наткнуться на подводные острые скалы. Он все знал.

Антипов переехал сюда накануне своего сорокадевятiletия. Прошел год. Через несколько часов у него юбилей. А он еще никому не решился дать ни свой новый домашний, ни новый мобильный телефоны. Ждал, пока все вопросы умрут от времени и ему не нужно будет на них отвечать.

Он налил себе в стакан коньяк и медленно пил его у окна. Вспомнил Тамару, Лену. Представил себе обеих в подробностях. Бывает ли еще с кем-то такое в пятьдесят лет? Он ведь не знает, что такое близкая женщина, он два раза ошибся, приняв за любовь то, что никогда любовью не было. Все, что осталось от физической близости с женщинами, между которыми он разделил свою жизнь, это его холодное недоумение, терпкое чувство отторжения и что-то похожее на брезгливость. Антипов пытался восстановить в памяти свое желание двадцатилетней давности и совершенно не понимал себя. И он поступил так, как мог поступить в его положении только адвокат. Он произнес речь в защиту себя. Хорошую речь о мужчине, который был уверен, что недостоин настоящей женской любви. Который был благодарен за любую подделку, потому что настоящее получают другие. Более смелые, более красивые, более талантливые и более удобные. И то, что Антипов считал своей порядочностью: он никогда не искал сам ничего, кроме того, что уже получил, – на самом деле трусость неполноценного человека. У него хватило сил улыбнуться своему отражению в окне: он даже не смог для себя произнести речь адвоката. Получилось обвинение прокурора.

Антипов позвонил по тому единственному номеру, который весь этот год горел в его мозгу. Он не видел Ирину Новицкую очень давно.

– Да, – ответил ее голос, в котором звенели слезы. – Я узнала тебя, Андрей. У меня несчастье. Мой Вольф умер. Да, мой волк.

– Можно я заеду за тобой? У меня сегодня юбилей.

Он привез ее в свою квартиру. Старый толстый Ральф похрапывал в прихожей.

– Знаешь, что я тебе скажу, – произнес в качестве тоста Антипов. – После всех сумасшедших событий последнего времени я помню только одно. Свое потрясение, боль-обиду, когда меня обругала прелестная женщина, из тех, которые существуют только в параллельной от меня вселенной. Они могут быть там, где не ходит размазня вроде меня. Я сегодня вынес себе приговор: я ничего

не знаю о женщинах. Не знал, пока не познакомился с тобой.

– Можно очередной совет? – улыбнулась Ирина. – Не стоит торопиться казнить себя самому. Всегда есть очередь добровольцев – любителей и профессионалов. Не собиралась дарить тебе комплименты, но раз юбилей... Скажу правду. Я единственный раз в жизни выступила с инициативой помощи. Это не мой стиль, могу только отреагировать на крик о помощи. Но тут был какой-то вопиющий случай беззащитной порядочности.

– Ключевое слово – беззащитной, – горько констатировал Антипов.

– Ключевое слово – порядочность. В степени, у которой нет цены.

У Антипова дрожали пальцы, когда он коснулся ее руки. И горели уши, как у подростка на первом свидании. Неужели таким дуракам и неудачникам, таким убийцам собственной жизни небеса посылают после всего настоящий и единственный шанс? Получить то, чего не искал, не пытался заслужить и даже не ждал. Получить возможность искупить убитую половину жизни. Узнать любовь. Настоящую, полную, взрослую, красивую и умную. Ирина кивнула, глядя в его глаза. Она прочитала мысли. Да, Бог – не суд, не прокурор. Он долго прятал награду от Антипова, заставлял его путаться в ошибках, чтобы он сумел по-настоящему оценить такой дар.

– Ты сокровище, каких не бывает, – сказал Антипов.

Он вдруг почувствовал свою силу, мужественность и горячую взволнованную кровь. Такого никогда не было. Не было достойного объекта.

Украшения для графомана

Иван Григорьевич Селиверстов был человеком непонятного, усредненного возраста, заурядной и тусклой внешности. Так может выглядеть бухгалтер, кассир или учитель черчения. Но Иван Григорьевич не имел отношения ни к какой службе. Его уделом было служение. За фасадом неказистой внешности, скованно-напряженного поведения скрывался адский огонь и неукротимый

апломб творца.

Каким воспринимал себя сам Иван Григорьевич, можно было увидеть на его персональном сайте. Его изображение на главной расписной странице создавалось затейливым художником. Длинное, скуластое лицо Селиверстова обрамляли седые локоны до плеч, он одет в золотистую тогу, в руках – старинная лютня. И псевдоним сверкает огромными золотыми буквами. АСТИАГ-АСТИАГ. В честь последнего царя Мидии.

По сути Селиверстов был обычным неутомимым графоманом. Он писал все и обо всем. Романы, поэмы, стихи и сказки. Только он один и смеялся своим шуткам, плакал над печальным финалом сентиментальной повести. Выкладывал свои тексты на собственном сайте, на всех бесплатных литературных площадках, каждый день проверял, появились ли оценки, комментарии. В лучшем случае читал какую-то ерунду, не имеющую к его тексту отношения. Презрительно хмыкал. Он презирал читателей. Но больше всего он презирал издателей.

Разумеется, он посылал все свои рукописи в издательства по длинному списку на своем столе. Ответа давно уже не ждал. Немногочисленным знакомым насмешливо говорил:

– В издательствах работают одни жулики. Им не нужны яркие таланты. Им нужна проходная серость. И то не вся. Издают только своих родственников, чтобы деньги на сторону не уходили.

Иван Григорьевич знал все о терпенье и труде, которые должны все перетереть рано или поздно. Он пока создавал багаж. Портфель творений, которые однажды непременно начнут приносить доход, станут желанной добычей всех, кому положено зарабатывать на чужом таланте. Когда он попробовал себя во всех жанрах и убедился в том, что для его дарования нет границ – пришло время найти идею. Под лежащий камень, как говорится, вода не течет. Мозг Ивана Григорьевича был складом банальностей, которые выручали его в любой ситуации.

Освободившись немного от бессонного творчества, Иван Григорьевич стал изучать дикий литературный рынок интернета. И, конечно, вписался в самую простую возможность заработка. Он открывал аккаунты на популярных ресурсах, пользовался платной раскруткой и рекламой, печатал там свои

произведения, ссылки на собственный сайт. Круглосуточно бомбил всех запросами о дружбе. И, наконец, дождался долгожданных лайков под текстами. Люди доверчивы и доброжелательны к бескорыстным творцам, которые дарят самое дорогое просто так, всем.

Следующий этап – пронзительные посты о каторжном труде непонятого гения, который страдает лишь от того, что вопль его души не доходит до адресата. До читателя, который сам никогда не сможет найти то, что ему наверняка нужно. От чего станет легче жить. И только, когда Иван Григорьевич убедился, что аудитория есть и достаточно разогрета – по крайней мере сочувствием и любопытством, – он выложил свои банковские реквизиты. Карты разных банков, пэйпал, яндекс-деньги, счета рублевые и в разной валюте.

Первые небольшие деньги привели Селиверстова в восторг. Он многословно и витиевато благодарил своих виртуальных жертвователей. Но вскоре пожертвования стали казаться жалкими, сама затея с этим побираем – ущербной. Она никак не вязалась с образом Астиаг-Астиага, в золоте, в седовласой мудрости и с лютней пророка, рождающего музыку слов. Срочно требовалось развитие. Какой-то сверкающий прорыв. Иван Григорьевич произнес про себя эти слова – «сверкающий прорыв», и почувствовал, как его осеняет приближение настоящей догадки. Отблеск уникального дела, достойного уникальных творений.

Отец Ивана Григорьевича был типографским рабочим. У него было и хобби по профессии. Григорий Селиверстов умел с помощью нехитрых приспособлений переплести вручную книги и довел эту способность до редкого мастерства. Для него неважно было содержание. Он даже букварь маленького Вани переплел в обложку с сафьяном, серебром и горным хрусталем. И научил этому делу сына. Пожалуй, хобби отца стало единственным, что Иван Григорьевич умел делать руками. Вот об этом он сейчас и вспомнил. Ничего не дается нам напрасно. Иван Григорьевич понял, что его произведения должны отправиться в собственную славную жизнь именно в таком уникальном и богатом оформлении. Ведь проблема безвестности просто в том, что все тексты одинаково серы, а читатель слишком неразвит и пассивен, чтобы искать настоящие сокровища. Так пусть же книги Селиверстова к нему попадут сразу в драгоценной оправе, достойной таланта автора.

В сундучке отца осталось немало качественных материалов. Кое-что Иван Григорьевич без труда и особых затрат прикупил. Россыпи полудрагоценных

камней продаются в разных местах буквально за гроши.

Селиверстов переплел первую книгу, хорошо ее сфотографировал в выгодном освещении. Получилось действительно эффектно. Благодарная и отзывчивая интернет-публика забросала его похвалами и поздравлениями. Он пошел дальше. Создал страницу «Дарим сияние слову». Объявил сбор материалов для уникального переплета в авторском дизайне. Ценные ткани, серебро, камни. Участникам пообещал большую скидку с установленной цены. Это сработало. Больше всего его радовали скучающие богатые российские эмигрантки, у которых обнаруживались в шкатулках выпавшие из украшений не полудрагоценная россыпь, а крупные драгоценные камни. Посылки посыпались как из рога изобилия. Наиболее ценные экземпляры с удовольствием принимали в ломбардах и комиссионках. Бизнес налаживался.

Иван Григорьевич работал не покладая рук. Каждый экземпляр был единственным в своем роде произведением искусства. Жертвователям он выставил минимальную цену – двести долларов. Остальные могли присылать письма с заказами, а он определял стоимость уже по результату. Продавались книги и за пятьсот долларов, и за тысячу. Чем больше продавалось, тем выше становился спрос. Немного печалило, что в отзывах почти ни слова не было о самом произведении, но общая сумма дохода успокаивала тревогу автора. Самонадеянность и апломб питали надежды. Да, он получил признание как автор бессмертных произведений. Его книги в драгоценных переплетах переживут столетия, найдут настоящих ценителей. Большое видится на расстоянии.

Свою аудиторию Иван Григорьевич изучил как облупленную. Это достаточно праздные, интеллектуально всеядные люди, не знающие финансовых проблем. Он выставил на продажу уникальные, никем не изданные тексты в эксклюзивном, всякий раз неповторимом переплете. И они на всякий случай клюнули. Пусть будет у меня и это. Вдруг автор прав. В любом случае это эффектно и забавно, в других домашних библиотеках ничего подобного нет. Если попадался в этом щедром и доверчивом круге друзей какой-то жлоб, который считал по отдельности камешки, сравнивая это с ценой книги, его подвергали общему остракизму, объясняли свысока, насколько слово творца дороже побрякушек. И что авторский уникальный переплет ценят за мастерство и труд, а не за количество блесков. И с презрением изгоняли.

Наступило время, когда Астиаг-Астиаг получил и внимание, и спрос, и достойное вознаграждение. Иван Григорьевич мог немного расслабиться. Он стал часами изучать женские фотографии на аватарках виртуальных поклонниц.

Иван Григорьевич вспомнил о том, что ему по жизни очень не везло с женщинами. По двум причинам. Они не умели его ценить по-настоящему. У него не было возможности выбора. Попадалось черт-те что.

И он забросил удочку. Интересно, мол, пообщаться со своим читателем вживую. Кому есть, что сказать автору, у кого есть пожелания, возможно, связанные с продолжениями каких-то сюжетов или экранизацией книг, – пишите в личку. После очной встречи – непременно подарок от автора.

Читал он запросы, конечно, только от женщин. Выбирал по фотографиям. Очень ему понравилась одна девушка – с грустным лицом и длинной косой, переброшенной на грудь. Она работала библиотекарем. Писала, что покупку его книги позволить себе не может, а подарок с удовольствием примет – не для себя лично, а для библиотеки. Она жила в Москве. Встреча была назначена. Иван Григорьевич пригласил читательницу к себе домой.

Ирина Назарова оказалась скромной близорукой девушкой. Она пришла к настоящему писателю из жизни в четырех стенах и стеллажах. Ира торжественно и смущенно вручила Ивану Григорьевичу большой букет гладиолусов.

Потом, за столом, когда Ира немного выпила, она стала охотно, даже слишком многословно говорить о любимых книгах, о писателях, которые для нее больше, чем святые. Иван Григорьевич поддерживал разговор короткими репликами. Он ждал, когда же она начнет говорить о его книгах. А главное, когда с ней можно приступить к главному. Что-то в этой девушке его настораживало. Было полное впечатление, что она действительно пришла только за книгой. Разговор его все больше утомлял. Селиверстова в принципе не интересовали другие авторы – будь то Толстой или Шекспир. И надоело откладывать суть встречи.

Иван Григорьевич подвел Иру к книжному шкафу. Там уже лежала приготовленная для нее книга «Светящийся дождь», в самом дешевом его переплете. Неприятное чувство появилось, когда после ее «ах, какая красота», он спросил, какая из его книг ей нравится. Ира покраснела, забормотала что-то,

стало понятно, что она ничего не читала. Ладно, не большая потеря, потом прочитает.

Но дальше все пошло совсем ужасно. Ира отталкивала его и отбивалась вовсе не потому, что хотела показать свою скромность. Для нее на самом деле это оказалось шоком. Возможно, он был ей физически противен. Не исключено, что она вообще мужененавистница и старая дева. Но когда Селиверстов применил силу, Ира пустила в ход ногти, зубы, ноги. Она была вся в слезах и соплях, очки упали. Когда он почувствовал вкус крови из своей разорванной губы, понял, что желание осталось одно: вышвырнуть ее вон. Пинками. Примерно так он и поступил.

Ира кое-как привела в порядок свою одежду и поспешила к двери. Иван Григорьевич догнал ее и сунул в руку пакет с подарочной книгой.

– Приедешь домой, чтобы сразу выложила фото на моей странице. И слова. Что ничего подобного еще не читала. Цитату выпиши. Если не сделаешь, я опишу наше свидание. Как ты хотела схватить книгу и бежать. Напишу, что на продажу брала.

Ира жалко всхлипнула и кивнула.

На следующий день Иван Григорьевич убедился в том, что Ира выполнила его распоряжение, и выключил компьютер. Впервые за последние годы он не мог себя заставить заниматься продвижением творчества в массы. Люди были ему противны более чем когда-либо. Женщины вызывали отвращение как вид. Раздражали даже те, которые бежали с сумками по дорожке под его окном. Но самым ужасным стало острое ощущение собственной уязвимости.

Не то чтобы он не мог без женщин обойтись... Но его сексуальный опыт небогат и вовсе не победный. Легче не вспоминать, а продолжать думать, что самая главная история мужской состоятельности впереди. Так было. Но вечер с Ириной что-то в нем сломал. Возможно, потому, что он, наконец, приблизился к своей будущей славе. Он ее уже видел в драгоценном блеске, слышал в гуле восторженной толпы, ощущал в ветерке оваций и аплодисментов. И одна серая дурочка своим идиотским поведением обрушила такую красивую, такую гармоничную мечту. Незаурядная, крупная личность в сверкающем отблеске славы, от которой ногами и зубами отбивалась жалкая библиотечка. Нелепая,

позорная ситуация, уродливые картинки, которые сжигали его мозг и парализовали вдохновение. Его неутомимое, бессонное вдохновение.

Это катастрофа, понял к вечеру Иван Григорьевич. Он проходил весь день по периметру квартиры. Не ел, не пил, не спал и, что невероятнее всего, практически не думал. Он пытался унять, убаюкать боль своего страшного унижения. Да, величественный Астиаг-Астиаг, который бренчит на своей лютне, как выяснилось, гроша медного не стоит, потерпев поражение как мужчина. Впервые в жизни Иван Григорьевич пожалел о том, что его организм не принимает по-настоящему крепких напитков. Может, с таким недугом помогла бы справиться водка, по крайней мере, она могла бы дать забытие. Но его тошнит только от запаха крепкого алкоголя. После стакана голова будет неделю тупой и тяжелой.

Он дошел до ближайшего магазина, купил несколько банок пива, выпил дома одну за другой. Просмотрел свои сокровища на книжной полке – и его вдруг осенило. Одна ситуация – это случай, а не система. Как он забыл о верной теории избитых истин! Нужно продолжить в том же ключе. Нужно сбить неудачу победой. Вот и все.

Ночью он опять сидел в интернете, ничего не писал, изучал профили тех, кто выразил желание с ним встретиться. Выбор сделал от обратного. Подальше от тургеневских девушек с косами. Он выбрал яркую, сильно накрашенную брюнетку с откровенно порочным выражением лица и декольте до живота. Звали ее Тереза. Вероятно, когда-то в простой русской деревне эту девочку называли Маней или Катей, а в мир взрослых отношений она пришла вот в таком виде и с таким именем. Ну что же. Многим нужны псевдонимы по душе.

Он пригласил Терезу на следующий вечер, она ответила радостным согласием с множеством восклицательных знаков и ликующих смайликов. Иван Григорьевич заставил себя поспать какие-то часы, тщательно убрал квартиру, накрыл стол.

Тереза позвонила ровно в восемь часов вечера, как и договорились. Он открыл дверь и через мгновение понял, что все будет не просто так, как нужно. Его может ждать блаженство, испытать которого до сих пор не пришлось.

Тереза вошла как в свою квартиру, посмотрела на него весело и с явным удовольствием. Он, кажется, ей понравился с первого взгляда. Она поставила на

пол большую сумку и прижалась губами к его щеке. Он почувствовал сильный запах помады и жаркую влагу ее языка. Да, это настоящее любовное приключение!

В комнате Тереза поставила на стол большую бутылку дорогого виски и коробку с пирожными.

– Не люблю приходить с пустыми руками.

Весь вечер был сплошным контрастом несчастного свидания с Ирой. Первым, самым приятным потрясением для Ивана Григорьевича оказалось то, что Тереза знала его произведения. Она упоминала названия, с восторгом говорила о конкретных героях. Она цитировала его тексты наизусть! Он несколько раз выскакивал в ванную, чтобы умыться холодной водой взмокшее от волнения лицо и выдохнуть: «Господи, какое счастье!» И это всего лишь одна девушка, произвольно выбранная из огромного количества его поклонниц, о которых он пока просто не знает. Он впервые пил виски, не очень пьянел и не испытывал неприятных ощущений. Скорее, наоборот.

Ночь пролилась на Астиаг-Астиага золотым дождем упоительных открытий. Он понял, что ничего не знал о настоящей страсти. Он только на пороге, быть может, самого важного аспекта судьбы. И этот пласт станет для него настоящим кладом литературных откровений. Он найдет слова и мелодии для выражения того, чего еще ни один автор не смог передать достоверно, полно, красиво и высоко.

Восторги любви незаметно для Ивана Григорьевича перешли в яркие эротические сны. Проснулся он поздно, на часах рядом с тумбочкой светилось половина первого дня. Подушка, на которой еще остался запах духов Терезы, была пустой. Конечно, она давно уехала, возможно, на работу. Наверное, она оставила ему записку или смс.

Иван Григорьевич встал, вышел из спальни в гостиную. На неубранном столе записки не было. Он огляделся вокруг и оторопел. Пол был завален какими-то бумагами. Иван Григорьевич рванул к шкафу со своими сокровищами – полки оказались пустыми. В следующие минуты или часы, уже осознав, что произошло, бедный Астиаг-Астиаг стоял на коленях среди бумажных обрывков и пытался складывать по порядку свои тексты, безжалостно вырванные варварами из

прекрасных переплетов. Да, грабители унесли только переплеты. И это было самым невероятным ударом.

Он поднялся, придавленный горем, и стал действовать инстинктивно, на автомате. Достал чемодан, вытряхнул из него на пол какие-то вещи. И принялся бережно укладывать обрывки книжных страниц. Собрал все, до мельчайшего клочка. Плотно закрыл крышку, запер чемодан на замочек и спрятал в спальне под кроватью. Лишь после этого позвонил в полицию.

Составили протокол ограбления. Иван Григорьевич не сказал о том, что именно книги и не были украдены, только переплеты. Так и записали: «Похищены все книги автора в ценных переплетах». Он рассказал, что ночью у него была девушка по имени Тереза, но утаил тот факт, что они познакомились на его странице в Сети. Ему не нужно было, чтобы ее нашли, чтобы постыдные подробности кражи стали кому-то известны. Пусть ищут Терезу с улицы. Вдруг случайно наткнутся на грабителей. Должно быть, Тереза их впустила ночью, когда он спал. Ей одной все это было не повернуть. Полиция взяла недопитую бутылку с виски, чтобы проверить на наличие снотворного. Иван Григорьевич вспомнил свои яркие сны и хмуро сказал:

– Снотворное точно было.

После ухода полицейских он сидел неподвижно, сжав голову руками. Вот что называется – попасть из огня да в полымя. В страшное полымя полного крушения.

Остаток дня и вся следующая ночь превратились в тоскливое, бесконечное поле, усыпанное камнями и глыбами серой, застывшей грязи. Такой Ивану Григорьевичу казалась вся его дальнейшая жизнь. Рано утром он сел к компьютеру, читал воспаленными глазами новости – и вдруг сердце удивленно и обрадованно вздрогнуло. Среди главных московских новостей в криминальной хронике была такая: «Грабеж в квартире писателя Селиверстова, литературный псевдоним Астиаг-Астиаг. Похищены все авторские экземпляры книг в ценных, уникальных переплетах. Разыскивается женщина, имя которой источник не раскрывает».

Иван Григорьевич перечитал новость много раз. Да это же чудо, что за новость! Впервые о нем пишут СМИ, впервые называют писателем. И совершенно ясно,

что он не просто писатель, а тот самый, единственный, книги которого можно только похитить, а не купить в магазине – мешок за тысячу рублей. И упоминание о таинственной женщине, о каком-то особом источнике, все это выглядело как отличная интрига. Это просто счастье, что наши бестолковые менты никогда никого не найдут, а это невероятное событие, конечно, многие запомнят, как и его имя.

Иван Григорьевич открыл свой золотой сайт. Точно! Просмотры увеличились в сотни раз. Раньше было не больше двух в сутки в лучшем случае. А сейчас число просмотров продолжает увеличиваться.

Он вошел на свои страницы в интернете и написал крупными белыми буквами на черном фоне: «Все мои книги похищены этой ночью. То были мои дети. Я – осиротевший отец, испепеленный горем». И ниже ссылка на сообщения СМИ. Он посидел у монитора пару часов, читая потрясенные комментарии, соболезнования, утешения. И, что самое приятное, обещания помочь в этой беде. «Вы только пишите, – просили его. – Не думайте о деньгах. Мы поможем».

Какое-то время Иван Григорьевич сидел над чемоданом с обрывками, продолжая складывать тексты. Потом бросил это дело. Вернулся за стол и открыл новый документ.

«Астиаг-Астиаг

Обретенное Сокровище

Роман»

«Как изобретательна и строптива судьба избранного небесами автора», – думал утомленный и успокоенный Иван Григорьевич. Судьба посылает ему сюжеты самым неожиданным и жестоким образом. И чем сильнее боль познания, тем вернее величие уникального результата. В новом романе герой Селиверстова встретится с роковой страстью, коварными врагами, злодеями-завистниками, узнавшими, что его выдвинули на Нобелевскую премию. И возлюбленная, конечно, окажется похищенной вместе с драгоценной библиотекой. Ее ждут страшные испытания, даже пытки. Но герой найдет возможность спасти ее,

вернуть свое богатство. Самым сильным эпизодом будет погоня за грабителями. Когда они поймут, что уйти с таким грузом не удастся, они сорвут драгоценные переплеты, бросят на дорогу под ноги преследователям, а сами попытаются скрыться только с текстами. Но и это им не удастся. А герой напишет свою главную книгу, достойную царя Мидии.

Иван Григорьевич прочитал первый абзац и даже прослезился: таким прекрасным он ему показался. Выразить свои чувства ему, как всегда, помогла самая затертая из банальностей: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Невзгоды проходят. Талант навсегда.

Спасательница

Аля тупая. Она слышит это так часто, с детского сада, что не считает оскорблением. Это просто ее отличительная черта. Вот этот человек – в очках, этот – толстый. Маша хорошо поет. А она, Аля, – тупая.

Когда она выросла, то сформулировала для себя, что с ней не так на самом деле. Она не то, чтобы не могла ничего понять, она не успевает из-за страха, что не получится. Что-то всегда стоит между ее мозгом и любым знанием. Если знание как-то пробивается – путем мгновенного озарения или долгой зубрежки, то оно где-то так глубоко прячется, что память не может его отыскать. В нужный момент никогда. И во время мучительных попыток Али ответить на какой-то вопрос все вокруг потешаются, как на выступлении клоуна. Аля не против. Ничего нет плохого в смехе, веселье и шутках. Люди, которые обычно окружают Алю, вообще не знают, как бывает плохо. Да, есть у Али знание, которого нет у других. Это ее тайна.

Аля закончила школу. Ей ставили тройки, чтобы поскорее избавиться. Затем устраивалась на короткое время в ближайшие магазины – ученицей, помощницей продавца, – но выгоняли после испытательного срока. Потом повезло: взяли уборщицей в прачечную. Там к Але относились хорошо, убирать ее мать научила с раннего детства. А главное преимущество этой работы было в том, что прачечная круглосуточная. Аля могла оставаться там на ночь, хотя для уборщицы этого и не требовалось.

Как-то на рассвете Аля вышла из прачечной, перешла дорогу к своему дому и остановилась на черной полосе тротуара рядом с грязно-белым тающим газоном. Ее разбудил голод, она шла домой поесть. А ноги отказывались туда идти. Но больше им ходить некуда. Или домой, или обратно в прачечную. Аля стояла одна, не было ни людей, ни вопросов, ни ответов, которые играют в свои прятки. Не было никаких знаний, только очевидность своей страшной ненужности. И вдруг по рыхлому сугробу к островку липкой грязи пробралась собака, тощая как скелет. Она отрыла лапой какой-то ужасный черный комок, похожий на гнилую тряпку, и стала старательно его жевать. Але показалось, что она тяжело вздыхает от слабости и отвращения. И в тот момент у Али появилось новое знание. Она его сформулировала четко и без обычного страха, неуверенности.

- Есть кто-то, кому хуже, чем мне, - уверенно сказала Аля.

Так началась ее новая жизнь.

Аля позвала собаку:

- Эй, песа, пошли со мной.

Собака подняла голову, посмотрела внимательно, ясно и поплелась за Алей. Они дошли до подъезда, Аля шепнула «жди», вошла в дом. Сапоги сняла на площадке у квартиры. Дверь открыла очень тихо, прошла на цыпочках в кухню. Взяла из хлебницы кусок хлеба в нарезке. В холодильнике одну котлету. И нащупала в вазочке на буфете два засохших пряника в глазури. Сглотнула слюну, посмотрев на коробку с яйцами, кусок ветчины, пакет с сосисками и сковородку с тушеным мясом. Это еда для отчима. Если она возьмет, он заметит. Каждый кусок, съеденный Алей, в доме считают, провожают взглядом каждый глоток.

Она вышла на улицу. Свистнула собаке, они ушли в глухой угол двора. И там Аля скормила новой подруге всю свою добычу. Собака ела скромно, благодарно, удивленно. Поднимала на Алю глаза, полные преданности и любви. И Але было хорошо, как никогда. Она сама уже не хотела есть. Но что делать дальше? Она не может привести собаку домой. Их там убьют обеих.

Аля села на поваленное дерево, сняла с головы шарф, постелила рядом на землю. Собака послушно легла. Аля прижала ее к своим ногам, у них обеих

слипались глаза.

– Девочка, проснись, – разбудил ее незнакомый приятный женский голос.

Было уже совсем светло. Рядом с Алей стояла хорошо одетая девушка. Ее очень интересовало: кто они, откуда собака, почему они спят на улице. Аля, как могла, объяснила. Девушка достала мобильный телефон, стала звонить. Дальше события развивались быстро, как в кино. Аля по тупости ничего не могла понять из объяснений. Звучали совершенно незнакомые слова. Передержка, сайт, обследования, клиники, сканы документов, сборы пожертвований. К собаке подошел парень с ошейником и поводком. Надел на нее и потянул за собой. Собака заскулила и спряталась за Алю. Аля схватила ее и закричала: «Не отдам! Вы ее убьете». И тогда красивая нарядная девушка ей все объяснила. Собаку везут спасать, лечить, пристраивать в добрые руки.

– Ты будешь ее опекуном. Если у тебя есть компьютер, скажу тебе, как найти ее тему. Там будут ее фотографии, наши отчеты, ты сможешь ее навещать. Можешь дать ей имя. Как мы ее назовем?

– Альма, – шепнула Аля. – Как меня.

– А меня зовут Таней, – представилась девушка. – Я из этого дома. Квартира сорок семь. Запишу свой мобильный. Не потеряемся. До встречи.

Домой Аля пришла потрясенная и одержимая одной мыслью: надо пробиться в этот их мир. Нужно обязательно найти там Альму. Нужно скрыть от этих удивительных людей тот факт, что она сама неумелая и тупая. Только бы ее приняли, только бы не прогнали. Она землю будет грызть, чтобы стать полезной.

У Али в ее закутке, отделенном перегородкой от прихожей, был старый компьютер. Этого потребовала от матери школьная классная руководительница. Для Али компьютер был темный лес. Максимум, что она выжимала из него, были дата, время и прогноз погоды. Но этим утром на нее нашло какое-то озарение. Она легко нашла сайт помощи бездомным животным и даже сумела зарегистрироваться. А через час обнаружила и тему Альмы. И даже собственную фотографию: она прижимает собаку к себе, не хочет отдавать. И слова там такие написаны необыкновенные. «Девушка Аля ночью нашла эту собаку, накормила своим завтраком и спала с ней на улице, потому что им вместе

некуда было идти. Такое доброе сердце встретилось нашей Альмочке». Потом снимки собаки уже из клиники, из какого-то уютного чистого дома. И радостные комментарии, в которых Алю хвалили и благодарили совершенно незнакомые люди.

С Алей случилось чудо, и она, конечно, не знала, что это закономерность. В атмосфере восхищения, добрых пожеланий, признания и дружбы она перестала быть тупой. Она познакомилась с активными, сильными, неутомимыми людьми, которые знали все о спасении животных, и она легко усваивала их информацию, перенимала их опыт. Она стала членом большого содружества. Аля даже заняла в нем особое место. Она умела находить самых несчастных, забитых, боязливых собак и кошек, и они сами шли к ее рукам. Она до клиники и без врачей умела находить источник боли и оказывать нужную первую помощь.

Аля очень изменилась, ее даже соседи не всегда узнавали. Из ее подъезда теперь выходила уверенная и позитивная девушка, современно и уместно одетая. Ее только звали по-прежнему Аля. Соседка Таня, которая нашла той ночью их с Альмой, как-то сказала:

– Аля, у меня есть очень приличные вещи, которые мне не нужны. Стремительно худею по плану. За два месяца уже перескочила с сорок восьмого в сорок четвертый. А у тебя, мне кажется, именно сорок восьмой. Пошли ко мне, заберешь. Почти не ношенные вещи.

Другая подруга по зоозащите оказалась парикмахером. Она сделала Але модную и удобную в обращении стрижку. Волосы хорошо лежали после любых передрыг: погони за убегающими собаками, поисками кошек в подвалах, драк с их обидчиками.

Все вдруг увидели, что у Али приятное доброе лицо, ясные, искренние глаза. На плотной ладной фигуре хорошо сидели узкие джинсы-стрейч, кожаная короткая куртка. Алю уважали за самоотверженность и смелость, за бескорыстность и честность. Никто над нею больше не смеялся, Аля забыла, когда ее в последний раз называли тупой.

А когда вспомнила, то обнаружила, что она утратила свое безразличие, спасительную толстокожесть. Случилось это в такой ситуации. Аля с новой подругой зоозащитницей Светой притащили собаку с перебитым позвоночником

в клинику. После рентгена хирург объяснял им, какие повреждения и какой у него план операции. Он произносил незнакомые Але термины, она напряженно слушала, потому что обязательно должна была понять, что он собирается делать. Аля уже знала, что не все ветеринары одинаковые. Она переспрашивала, уточняла по несколько раз. Света крутилась, дергалась, она устала и хотела есть. Когда они вышли и сели в ее машину, Света сердито выдохнула:

- Ну ты прямо тупая какая-то. Десять раз у него все спросила.

- Зато я теперь все поняла. Буду знать, как выхаживать, скажу передержке, - спокойно ответила Аля.

Света ее высадила у дома, ничего не заметив. Аля пошла к подъезду, как слепая, по памяти, так выжигала обида ей глаза. Не на Свету обида. На всю свою поганую жизнь. В подъезде она бессильно уткнулась горящим лбом в стену. Тупая. А вы все острые. А если бы всех вас, таких умных и продвинутых, с пяти лет колотили головой о пол и стены, били ногами - хорошо бы вы сейчас соображали? Водили бы так легко свои тачки? Хватали бы на лету подробности операции?

Она вошла в квартиру, наткнулась на подозрительный взгляд отчима:

- Все шляешься? Наряжаться стала. Губы накрасила. Проституткой подрабатываешь? Или воруешь?

Он был пьян и не продолжил свою обличительную речь, ввалился в туалет. Аля вошла в свой закуток, посмотрела в маленькое зеркало. Она никогда не красит губы. Это была кровь: Аля прокусила губы от боли и обиды.

Тем вечером Аля не испытывала голода, хотя за весь день не успела проглотить ни крошки. Даже не так: ее тошнило, как от переедания. Она была по горло сыта, до отвращения. Это ее память проснулась, как от удара, и все нашла. Все было на местах, в тех дальних уголках, куда затолкала кусочки несчастья психика, спасающая девочку. У нее оставался один шанс на выживание - стать опять тупой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/izmenit-odinochestvu-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)